

Вершинская Г.М.
младший научный сотрудник
Белгородский государственный музей народной культуры
г. Белгород, Белгородская область
Российская Федерация

КРЕСТЬЯНСКИЙ ДОМ КАК ОСОБОЕ СЕМИОТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

В народном сознании крестьянский дом олицетворял мельчайшую частицу вселенной, был неделимым атомом древнего общества, и пронизывался магико-заклинательной символикой, при помощи которой семья каждого крестьянина старалась снабдить себя теплом, безопасностью и здоровьем. Издревле основой традиционного русского жилища являлся деревянный сруб, составленный из положенных венцами горизонтально бревен. Варианты срубов дома давали возможность придумывать самые замысловатые строительные формы, искусные архитектурные композиции. Это были прямоугольные срубы, связанные между собой. Дом состоял из большого помещения с печью, кладовой, сенями и крытого хозяйственного двора. Интерьер крестьянского дома представляла горизонтальная иерархия пространства. Центром композиции был красный угол, здесь пребывал Бог, и собиралась вся семья, когда случались важные события. В отдельных сооружениях находились амбар и баня. «При поселении выбиралось место в строгом соответствии с миропониманием, семиотикой, и крестьянской практикой, ограниченное лесом и рекой. На семиотическом уровне символизировали границы или переход между своим и чужим мирами, а на практическом - обеспечивали безопасность. В центре пространства, где закладывалось поселение, как обязательный элемент ландшафта, находилась сакральная возвышенность, символизировавшая центр мироздания [1, С. 67]».

Семиотическое пространство архаической культуры, нашло конкретное воплощение в языческом мирозерцании, в ее наиболее простом варианте. В

вертикальном измерении крестьянский дом подразделялся на три самостоятельных, со своим временем и пространства, верхний (небесный), средний (земной) и нижний (подземный). Это горизонтально ориентированное пространство в языческо-мифологической картине мира. «Крестьянский дом представлял собой целостную систему, ансамбль, где всякий элемент и любая вещь были органически соединены с целым и охвачены в общую иерархию. Эта иерархия отображается как во внешнем, так и во внутреннем пространстве крестьянской избы, как в вертикальной, так и в горизонтальной её части. Основа вертикальной структуры - троичность. [3,С.307]».

Основными параметрами социального пространства становятся соотношения «вертикальное» (трехмерное измерение) и «горизонтальное» (четырёхмерное измерение), а также – «центральное - периферийное». В этом контексте нужно помнить следующее: символика дома выражала основные «категории» крестьянской картины мира, а символика быта содержала информацию об этническом, региональном, религиозном, этическом и хозяйственном аспектах народной культуры. Поэтому именно они играли исключительную роль в освоении подрастающими поколениями «внешнего» (природного), «внутреннего» (аксиологического) и социального (этического) пространств как среды бытования социума.

В соответствии с ними, вертикальное пространство жилища «условно символически» делилось на эти три уровня – верхний и нижний как «вещные» и средний – «социальный». С семиотической точки зрения, самым значимым был средний уровень жилого пространства, представлявший в доме тот «культурный горизонт» – культурное пространство, верхняя граница которого находилась на уровне глаз, а нижняя – на уровне коленей (уровень «сидения» и «лежания»). Действия выше верхней и ниже нижней границы «культурного пространства» дома были действиями в «вещном» пространстве и имели не менее сакральный смысл, чем действия в «культурном пространстве» дома, но как ритуальное действие они не были включены в алгоритм обыденного поведения. Ритуал «уборки» дома был частично совмещен с календарной, а

частично – с семейно-бытовой обрядностью, а значит – соотнесен с праздничным ритуальным поведением. Поэтому в народной культуре праздник имел выраженный трудовой характер. Во время ритуала уборки веник находился исключительно в границах нижнего уровня культурного пространства дома. Поднимать пыль, равно как и веник выше нижнего уровня культурного пространства, а тем более – выше стола, строжайше запрещалось. «Обметать» пауков выше уровня культурного пространства «всуе» запрещалось. В алгоритм обыденного – повседневного – поведения входил исключительно «обиход» «культурного пространства» в границах строго очерченного «культурного горизонта». Поэтому ориентиром и «мерилом» «должного» (этичного поведения) выступал стол, как символ «центра» «культурного пространства» дома. По столу нельзя было стучать, выкладывать на него руки (их держали под столом), оставлять невытую посуду и крошки (за исключением особых случаев, «предписанных» кодифицированным поведением). В пределах «культурного пространства» дома регламентировались, также, действия в его горизонтальном и вертикальном измерениях. Например, категорически запрещено было есть стоя и приветствовать входящего сидя – этим нарушалась сакральность ритуалов приема пищи и гостеприимства. Гостеприимство, как сакральный акт, раскрывалось даже в том, что лавки, на которых спали, с учетом приема гостей, делали по размерам самого крупного человека деревни.

Дверь как связующее звено и граница между мирами была важным элементом системы перекодировки «этического пространства» дома. Любое действие у двери как символа «входа-выхода» имело высокую степень семиотичности и регламентировалось кодифицированным (ритуальным) поведением. Поэтому особое значение получает и ритуал обязательной «остановки» перед порогом – входом в дом, и обычай «присесть» перед дорогой – выходом из дома. «Кодекс» кодифицированного поведения предписывал давать последние наставления перед дорогой «до» порога двери – переговариваться через порог означало «застрять» в дороге (между «мирами»)

или не достичь желаемого. «Кодекс» ритуального поведения запрещал здороваться «через» порог, тогда как встречать гостей полагалось «за» порогом и впускать в дом впереди себя. Забыть что-либо в доме и, возвратившись, пересечь порог – войти в дверь в обратном направлении – означало «потерять» – шанс, вещь, голову (ум), отчего осуществление задуманного переносилось на другое время. Сакральное значение двери как «входа-выхода» подчеркивалось резьбой или росписью, орнаменты которых выполняли функцию оберегов. В дом, «очищаясь» – из «чужого» пространства в «свое» – проникали через низкую дверь, заставлявшую каждого, в знак уважения к дому и его обитателям, вольно - невольно кланяться «правому» – красному – углу. Только при условии соблюдения этой «нормы» кодифицированного поведения можно было обратиться к главе семьи и хозяину дома.

Здесь можно привести парадоксальный пример сакрализации «незавершенности» как неотъемлемой части домашней жизни. «Незавершенность», как символ сохранения существующего порядка, неуничтожимости, вечности, бессмертия требовавшая продолжения действия, что гарантировало наступление будущего, становится своеобразной нормой быта и кодифицированного поведения. По окончании строительства дома, например, нельзя было возводить крышу над сенями целый год, убирать крошки со стола, пока члены семьи не добрались до места назначения (гарантия благополучного возвращения), выливать воду после мытья – (сохранение здоровья), отдавать долги – (денег не будет) и принимать решения «на ночь глядя» («утро вечера мудренее»), мыть пол, пока жив умирающий, что означало бы «завершение действия» (конец надежде), опережать события «мысленно» или «словесно» – «говорить «гоп», пока не перескочишь» – (спугнешь удачу). Здесь следует помнить, что формирование этического пространства дома и перевод поведения его обитателей на семиотический уровень «кодифицированного» поведения имело «стратегическое» значение. Это не только помогало ориентироваться в пространстве дома, регулировать межличностное взаимодействие, но и способствовало быстрой оценке и

выработке правильной тактики поведения в пространстве чужого дома, семьи, социума.

В сельской местности в конце XVIII в. – начале XIX в. строительство велось по старым традициям. Деревни застраивались хаотично. Делаются попытки привести это в систему и опубликовываются указы о строительстве по «образцовому чертежу». В этот период крупными архитекторами России разрабатывался «народный дом», с учетом нужд горожанина. Эти архитектурные проекты должны были реализованы и в деревенской среде. Однако дома в деревне продолжали строить по старинке. Большая часть домов в русских деревнях второй половины XVIII – начала XIX вв. представляла собой небольшие клетки, крытые соломой, дранью или тесом, с маленькими волоковыми окнами. Только в конце XVIII века в избах стали появляться печи с трубами. В северных районах, богатых лесом, строились большие дома с жилыми и служебными помещениями под одной крышей. В средней полосе подсобные помещения имели свою крышу и располагались сбоку от жилых помещений. Со второй половины XVIII века, кроме маленьких волоковых окон, стали применять и большие «красные» окна. Их прорубали обычно в центре фасада, а по бокам размещали волоковые. На окнах стали появляться наличники, расписанные в защитно-заклинательной орнаментике которых по-прежнему находят выражение ценностное отношение народа к внешнему и внутреннему – домашнему – миру.

Таким образом, выражая миропонимание и социокультурную специфику крестьянского социума, являясь надежной защитой от стихий, нечистой силы, а главное - хранителем семьи и рода крестьянский дом символически был связующим звеном между пространством и временем - предками и потомками. Крестьянский дом всегда был не только тем особым пространством, средоточием главных жизненных ценностей, которые определяли смысл человеческой жизни, регламентировали быт и особенности социальнотрудового уклада, но и представлял собой семиотическую и пространственную модель вселенной. Поэтому роль дома - как крова, убежища, пристанища - остается

ведущей в крестьянской культуре во все времена. Можно констатировать, что дом для русского человека – не просто жилище, а домашний мир – аксиологическое и этическое пространство, в котором была, не только отражена вселенная и определено место каждого в нем, но и формировались духовно-нравственные ориентиры социума.

Список использованной литературы

1. Громов М.Н. О философской семантике архитектуры / М.Н. Громов // *Общественная мысль: исследования и публикации. Вып. 2.* - М.: Наука, 1990. – С. 73.
2. Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. - Л.: Наука, 1984. – 191 с.
3. Бакланова Т.И. Народная художественная культура / Т.И. Бакланова. - М.: Инфра, 2002. - 141 с.
4. Ополовников А.В. Русское деревянное зодчество / А.В. Ополовников. - М.: Искусство, 1983. - 254 с.
5. Традиционное жилище народов России: XIX - начало XX в. - М.: Инфра, 1997. - 231 с.